Р. А. Григорьева

ТРАДИЦИОННЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ БЕЛОРУСОВ ЛАТГАЛИИ

Свадебные обряды являются существенной стороной быта. Под бытом (в его этническом аспекте) [1] принято понимать разнообразные формы стереотипного поведения людей в повседневной жизни [2]. Составными элементами быта как раз и выступают обычаи и обряды. В советской литературе эти понятия определены довольно четко. Обычай — норма поведения людей в обществе, некое добровольно соблюдаемое правило. Обряд — реализация той или иной нормы в конкретном действии. И обряд, и обычай суть способы регламентации поведения, однако в обряде регламентация более строгая, чем в обычае. Обычай — понятие более широкое [3], чем обряд, который определяет конкретные детали поведения.

Обряды — социальные, правовые, экономические, религиозные, магические и т. д.— могут быть соединены в едином ритуале [4]. Ритуал, таким образом целостная упорядоченная и относящаяся к какому-либо жизненному событию система обрядовых действий [5].

Свадебные обряды, как и обряды в целом, связаны сложными отношениями с социально-экономическими условиями жизни. Они изменяются во времени, осуществляя «соединение» исторического прошлого с настоящим, являясь одним из механизмов, обеспечивающих преемственность в социальном развитии [6].

Обряды, в том числе и свадебные, будучи существенной стороной быта, выступают в то же время и как одна из характеристик этноса (в данном случае этнической группы) и могут в той или иной мере служить показателем этнического своеобразия. При изучении свадебных обрядов авторы решают различные задачи, например, вопрос о проис-

---

[1] Понятие «быт» сложное и многогранное. Оно используется в различных социальных науках, и в связи с задачами каждой из них уточняются границы и содержание этого понятия.

[2] *Устинова М. Я.* Семейные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам городов Латгале и Курземе). М.: Наука, 1980, с. 11; *Пименов В. В.* Удмурты. (Опыт компонентного анализа этноса). Л.: Наука, 1977, с. 113; См. также: *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971, с. 167; *Анохина Л. А., Крупянская В. Ю., Шмелева М. Н.* Быт и его преобразование в период строительства социализма.— Сов. этнография, 1965, № 4.

[3] *Алиев А. К.* Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968, с. 22.

[4] Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Вып. 1. Л., 1926, с. 7.

[5] *Пименов В. В.* Указ. раб., с. 112, 113.

[6] *Левкович В. П.* Обычаи и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений.— В кн.: Социальные исследования. Вып. 4. М., 1970, с. 115.

хождении и развитии отдельных обрядов и свадебного ритуала в целом [7], выявление меры знания традиционных обрядов, степень их соблюдения, а также взаимосвязь обрядов с другими характеристиками этноса [8].

Задачи исследования определяют их методику. Так, например, изучая происхождение и содержание обрядов этнографы обращаются главным образом к традиционным для них методам (опрос, наблюдение), выясняя же меру знания и бытования обрядов они используют метод количественного анализа. Метод количественного анализа является основным для автора данной статьи. В основу ее легли материалы выборочного этнографического исследования, проведенного автором в сельских районах Латгалии (Восточной Латвии) в 1972 г. Задача его — выявление особенностей и тенденций развития этнических процессов в группе белорусов, проживающих за пределами своей национальной республики в условиях тесных межнациональных контактов.

Латгалия (Латгале) — одна из культурно-исторических областей Латвии, граничащая с РСФСР, Белорусской ССР и Литовской ССР. Исторические судьбы населения этой области на многих этапах его истории совпадали с судьбами народов, живущих на соседних территориях, главным образом белорусов. В течение почти двух веков (XVII—XVIII) Латгалия, как и бо́льшая часть Белоруссии, находилась под властью Речи Посполитой. По первому разделу Польши (1772 г.) она была присоединена к России и вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции входила в Витебскую губернию (уезды Двинский, Люцинский, Режицкий).

В 1918—1919 гг. в Латвии была установлена Советская власть, и Латгалия была объединена с остальными районами Латвии (Курземе, Земгале, Видземе). В 1920 г. латышской контрреволюционной буржуазии удалось захватить государственную власть, и лишь 5 августа 1940 года была образована Латвийская Советская Социалистическая Республика.

Географическое положение Латгалии и особенности её исторического развития обусловили сложный национальный состав этой области. В 1970 г., по подсчетам, основанным на материалах переписи населения, национальный состав шести районов Латгалии был следующим: латыши — 62%, русские — 27%, белорусы — 6%, поляки — 4%, другие народы — 1%.

В настоящее время белорусское население Латгалии — преимущественно местные уроженцы. Только в Краславском районе значительный процент (21%) составляют лица, приехавшие сравнительно недавно на постоянное жительство из соседних районов Белоруссии (в Лудзенском районе, например, они составляют всего 1%). Формирование этнического самосознания белорусского населения Белоруссии и Латгалии проходило под воздействием сложной политической ситуации, в условиях борьбы между православием и католичеством, в атмосфере национального угнетения и запрещения национального (белорусского) языка. Как известно, самосознание белорусов окончательно сформировалось только после Великой Октябрьской социалистической революции с образованием Белорусской ССР, Латгалия же тогда вошла в состав буржуаз-

---

[7] См., например: *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977; Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978; *Макашина Т. С.* Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М.: Наука, 1979, с. 69—108; *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980; Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980, с. 6—90, и др.

[8] *Христолюбова Л. С.* Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1970; *Пименов В. В.* Указ. раб., с. 112—136; *Устинова М. Я.* Указ. раб., с. 95—127.

ной Латвии. С этого момента группа латгальских белорусов оказалась в существенно иных политических условиях, чем основной их массив. В то время как на территории Белорусской ССР завершался процесс складывания белорусов в нацию, развивалась и укреплялась национальная белорусская культура, получил право на свободное развитие белорусский язык, в Латгалии буржуазным правительством был предпринят ряд искусственных мер, направленных на ослабление этнического самосознания национальных меньшинств, в том числе и белорусов. Среди этих мер было и использование конфессиональной разобщенности белорусов (по данным переписи 1897 г., в трех латгальских уездах 54% белорусов придерживались католичества, 23% — православия и столько же старообрядчества).

В результате этническое самосознание белорусов в Латгалии было очень неустойчивым и часто подменялось представлениями о конфессиональной или территориальной принадлежности. Белорусы называли себя «католиками», «православными» или «тутэйшы», т. е. местный. О неустойчивом этническом самосознании белорусов в Латгалии можно в какой-то мере говорить и в настоящее время.

Вследствие генетической близости русских и белорусов, отсутствия у белорусов, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции четкого национального самосознания, а также и конфессиональной общности с русскими, большая часть православных белорусов Латгалии влилась в русский этнос. Что же касается католического белорусского населения, то часть его была ассимилирована латышами, часть поляками, большинство же оставалось белорусами. Результаты этнических процессов, протекавших на территории Латгалии в последнее столетие хорошо видны при сопоставлении первичных формуляров переписи населения 1897 г. с современными похозяйственными книгами сельских советов. Так, например, значительная часть жителей деревень Ляудерского сельсовета считают себя русскими, тогда как по переписи 1897 г. там значились белорусы православного вероисповедания [9].

Выборочный опрос показал, что бóльшая часть населения этих деревень — местные уроженцы. Процессы консолидации и ассимиляции были характерны как для православного, так и для католического белорусского населения. Но среди православного населения более интенсивно шел процесс ассимиляции русскими, о чем свидетельствуют и данные нашего исследования. Тот факт, что у большинства опрошенных (84%) в Краславском районе, назвавших себя белорусами, родители в прошлом исповедовали католичество, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в Латгалии принадлежность к белорусам в большей мере связывалась с католичеством [10] (безусловно, в сочетании с другими характеристиками: языком и культурой), чем с православием, хотя, как известно, на территории Белорусской ССР преобладающая часть белорусов исповедовала в прошлом православие.

В настоящее время белорусы Латгалии расселены главным образом в Даугавпилсском, Краславском и Лудзенском районах Латвийской ССР. Исследование проводилось в Краславском и Лудзенском районах. Выбор этих районов был обусловлен рядом причин. Основные из них следующие: 1) в Краславском районе сосредоточено более половины (64%) всех проживающих в Латгалии белорусов; 2) Лудзенский же район по структуре населения (удельный вес различных национальностей) почти не отличается от остальной Латгалии; 3) в отобранных районах есть все контактные этнические группы, живущие в Латгалии: русские, латыши, поляки, белорусы и др.

---

[9] ЦГИА Латв. ССР, ф. 2706, оп. 1, д. 119.

[10] В Краславском районе во время экспедиционных работ нам неоднократно приходилось слышать, как местные жители говорили о приезжих из Белорусской ССР: «Странно, она (он) православная (ый), а считает себя белоруской».

Для проведения исследования был подготовлен вопросник, состоящий из 44 вопросов. В него были включены вопросы, выявляющие социально-демографическую структуру белорусского населения Латгалии, его речевое поведение в различных сферах жизни, а также вопросы, дающие представление о свадебном обряде, семейной жизни, пище, профессиональной культуре, некоторых аспектах этнической психологии и этнического самосознания. Опрос проводился методом интервью.

В ходе исследования были заполнены 458 вопросников: 248 — в Краславском районе и 210 — в Лудзенском.

Поскольку в основу нашего исследования была положена гипотеза, что развитие группы белорусов, проживающих в Латгалии, т. е. за пределами Белорусской ССР, в условиях тесных и давних межнациональных контактов шло иначе, чем на территории БССР, для сравнения по той же программе была обследована группа белорусов[11] (400 человек) Миорского района Витебской области Белорусской ССР (контрольная группа), где белорусы живут в однонациональной среде.

Изучение свадебных обрядов белорусского сельского населения Латгалии осуществлялось в трех аспектах: фиксировались степень знания традиционных обрядов, их бытование, отношение информаторов к традиционным белорусским свадебным обрядам.

Первый вопрос: «Известно ли Вам, из чего складываются белорусские свадебные обряды?» — был рассчитан на получение информации о степени знания традиционного свадебного ритуала; второй — «Какая у Вас была свадьба?» — давал возможность определить меру бытования свадьбы традиционной формы и свадеб других форм; третий — «Если у Вас жена (муж) другой национальности, то по какому ритуалу у Вас была свадьба?» и четвертый вопросы — «Если бы Вам пришлось начать жизнь сначала, то, вступая в брак, какую свадьбу Вы хотели бы устроить?» — выявляли отношение к традиционным белорусским свадебным обрядам.

Ответы, полученные на первый вопрос, явились основным источником для составления общего описания свадебных обрядов Латгальских белорусов[12]. Исходя из этих материалов, можно сделать вывод, что свадебные обряды у белорусов Латгалии очень сходны с обрядами, бытующими, главным образом, на северо-востоке БССР и вместе с тем имеют много общих черт со свадебными обрядами других этнических групп (в частности, русских и латышей), проживающих в Латгалии[13].

Исходя из имеющихся литературных и собранных нами полевых материалов, условимся традиционными белорусскими обрядами считать те, которые бытовали в среде белорусского населения Латгалии в начале XX в.

Свадебные обряды белорусов в Латгалии и в Миорском районе Витебской области БССР (контрольная группа) можно подразделить на три группы: 1) предсвадебные обряды; 2) собственно свадьба и 3) послесвадебные обряды.

Свадьбы обычно справляли осенью (в октябре, ноябре) и в зимний «мясоед».

Девушки и парни чаще всего вступали в брак по обоюдному согласию. Знакомились на «вечарынках» или «кирмашах» (ярмарках). В вы-

---

[11] Эта группа белорусов, как и бóльшая часть белорусского народа, в прошлом исповедовала православие.

[12] Разумеется, при составлении описания свадебных обрядов использовались и литературные источники, в частности, *Шейн П. В.* Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874; Беларуская народная творчасць. Вяселле: Песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1980; *Сахараў С. П.* Народная творчасць латгальскіх улукстэнскіх беларусаў. Рига, 1940; *Никольский Н. М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

[13] См.: *Эндзеле М. Я.* Указ. раб., с. 95—106; *Макашина Т. С.* Указ. раб., с. 69—108.

боре невесты (жениха) в большинстве случаев предоставлялась относительная свобода, однако требовалось согласие родителей на брак. Вплоть до 40-х годов браки заключались обычно внутри конфессиональных групп. Белорусы-католики вступали в брак чаще с поляками и с латышами, которые, как и большинство белорусов Латгалии, принадлежали к римско-католическому исповеданию, чем с белорусами или русскими, исповедовавшими православие[14].

Предсвадебные обряды у белорусов Латгалии и Белоруссии начинались сватовством. Оно делилось на два[15] этапа: а) «узгледіны», «заговоркі», «начын» или «малыя запоіны» (смотрины); б) «заручыны», «змовіны», «запоіны» или «заручыны з бальшой водкай» (сговор).

Сватами чаще всего были родственники или близкие жениха — дядя, крестный отец, брат и даже сам отец. Сватом мог быть только женатый человек, обладающий красноречием и остроумием. Ехали сватать обычно в субботу или в воскресенье, реже во вторник или четверг. Понедельник, среда и пятница считались несчастливыми днями для сватовства. Сваты (чаще их было двое) обязательно брали с собой водку. Ее распивали с родителями невесты, если сватовство было удачным («малыя запоіны»).

Окончательное согласие на брак невеста и ее родители давали лишь на «заручынах». День «заручын» назначался во время «малых запоін», через одну-две недели после них. Теперь уже приглашался более широкий круг лиц — родственники, крестные, знакомые — и официально оглашалось согласие молодых и их родителей на брак. С этого момента молодые люди считались женихом и невестой. Во время «заручын» жених и невеста обменивались подарками, иногда кольцами. Невеста дарила свату полотенце. На «заручынах» договаривались о дне свадьбы («вяселля»), о приданом, о количестве гостей и т. п.

Соблюдение «узгледін» и «заручын» было, впрочем, необязательным и определялось экономическим положением родителей молодых и продолжительностью их знакомства. В 20-е годы они большей частью объединялись.

После «заручын», или «змовін» жених и невеста должны были записаться у священника на венчание и в течение трех недель в церкви или костеле происходило оглашение имен вступающих в брак. В течение этого времени готовились к свадьбе: резали скот, варили пиво, заготавливали спиртное, а также шили или покупали одежду к свадьбе. Гостей на свадьбу приглашали жених и невеста. У белорусов, как и у латышей-католиков и русских, существовал обычай накануне свадьбы ходить к соседям и просить прощения, приглашая на свадьбу[16].

Собственно свадьба, или **«вяселле».** По данным проведенного нами обследования, как в Латгалии, так и в Белоруссии (в контрольной группе) бытовали две разновидности свадьбы — «короткая» и «длинная». «Короткая» — это свадьба с вечеринкой. В субботу (накануне венчания) в доме невесты собирались гости. Поздно вечером приезжал жених со своей «дружиной» и выкупал невесту, тогда же происходил и обряд одаривания (наделения) жениха и невесты, после чего гости гуляли до утра, жених и невеста ложились спать, но в разных комнатах. Утром ехали к венцу, а после венца — в дом к жениху, где справлялась свадьба.

«Длинная свадьба», или, как ее еще называли, «свадьба на два конца», отличалась от «короткой» тем, что жених и невеста ехали к венцу

---

[14] Архив ЗАГС г. Риги, кн. 17 044, 23 144, 16 845 и др.; см. также: *Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н.* Материальная культура русского сельского населения Западных областей (во второй половине XIX — начале XX в.).— В кн.: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960 (ТИЭ, Т. LVII), с. 7.

[15] *Сахараў С. П.* Указ. раб., с. 80.

[16] *Макашина Т. С.* Указ. раб., с. 81.

порознь, каждый из своего дома. Встречались они лишь в церкви или костеле. После венца ехали в дом к молодой и пировали там, а вечером или, чаще, на следующий день отправлялись в дом жениха, где свадьба продолжалась.

Эти две разновидности свадьбы характерны не только для белорусов и русских, живущих в Латгалии[17], но и для латышей Латгале и Курземе[18]. Они различались продолжительностью («короткие» длились 2—3 дня, «длинные» — до 7 дней) и порядком проведения некоторых обрядов. Предпочтение той или иной свадьбы диктовалось главным образом экономическими причинами.

В проведении свадьбы (как «короткой», так и «длинной») большая роль отводилась сватам (свату и сватье). Сватья принимала участие в сватовстве, свадебном поезде, часто выполняла обряд снятия с невесты венка и фаты и т. д. Сваты руководили порядком на свадьбе. Чаще всего эту роль выполнял старший сват (в Миорском районе Витебской области БССР он назывался «тоўсты сват»). Большую роль в свадебном ритуале играли «дружины» или «дружбы» жениха и невесты. Состав «дружин» выбирался из близких подруг (друзей) и родственников. Подруги невесты чаще всего назывались «шаферки», иногда «боярки».

В данной работе мы остановимся на характеристике лишь основных обрядов, игравших важную роль в проведении свадьбы и в ходе обследования, учитывавшихся при оценке степени знания свадебного ритуала.

Обряд одевания невесты. При «короткой» свадьбе он совершался часто в два приема — в субботний вечер (накануне венчания) на невесту надевали венок, а в воскресенье (в день венчания) — подвенечное платье, фату и маленький венок (у католиков). Если свадьба была «длинной», то обряд выполнялся в день венчания. Во время надевания венка невесту сажали на перевернутую вверх дном квашню («дзяжу»), покрытую вывернутой шубой («кажухом»). Подружки невесты расчесывали ей волосы и прикалывали фату («вэлюм») и венок, сделанный из мирты или руты. Этот венок невесте дарила мать или плели подружки — «шаферки». Второй венок (маленький) покупал жених[19]. Прикалывала его старшая дружка или сватья. К началу XX в. обычай сажать невесту на квашню практически уже не соблюдался. Весь обряд значительно упростился. Он свелся к одеванию невесты и прикалыванию венка; при этом невесту часто сажали на скамейку, на которой предварительно расстилали «кажух», или просто на стул, застланный простыней, а венок на нее надевал брат или тот, кого она выбирала вместо брата.

Выкуп невесты. При «короткой» свадьбе он происходил в субботу, накануне венчания. Жених со своей «дружбой» приезжал поздно вечером. Его встречали с хлебом-солью родители невесты. Невеста была уже одета (т. е. на ней был венок). Она сидела за столом в окружении своих подружек («шафериц» или «боярок»). Брат невесты (иногда сват) требовал за нее выкуп — угощения пивом и водкой, а также деньги. Выкупали невесту сват и старший дружка («подмолоды»). После выкупа жениха и невесту сажали рядом за стол на «кут» (под иконой). Если невесте удавалось выйти из-за стола, то выкуп повторялся. Этот обряд, возможно, представляет собой отголосок древнего обряда купли-продажи невесты, однако в начале XX в. он носил шуточный игровой характер, в котором принимали активное участие «дружины» молодых, братья и сваты.

---

[17] Там же.

[18] *Эндзеле М. Я.* Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам малых городов Латгалии и Курземе).— Сов. этнография, 1973, № 4, с. 99.

[19] Маленький венок было принято надевать на невесту только у католиков. Невеста, потерявшая девственность до вступления в брак, не имела права надевать маленький венок.

Если свадьба была «длинной», выкуп совершался утром в воскресенье, перед отъездом к венцу или после венца.

«Наделение», или одаривание молодых. Этот обряд частично сохранился до наших дней. Уже в начале XX в. место и время его проведения не были регламентированы. Он мог происходить в субботу вечером, в воскресенье утром; случалось невесту «наделяли» перед отъездом в дом к жениху, а жениха — по приезде в свой дом с невестой. Однако чаще все-таки этот обряд совершался перед отъездом в дом жениха, когда одновременно наделяли («напявалі») и жениха и невесту: на стол ставили тарелку, накрытую белой салфеткой, и на нее родные и гости клали деньги и подарки. Первыми одаривали молодых родители невесты, затем остальные родственники и гости. Молодые при этом стояли и кланялись каждому дарителю, а крестный или сват (брат) угощали его рюмкой водки или кружкой пива.

Благословение молодых повторялось несколько раз. Мать благословляла невесту перед тем, как ее сажали на квашню («пасад невесты»), и после надевания венка и фаты. Во время благословения невеста становились на колени, благодарила родителей и целовала им руки. Жениха родители благословляли перед отъездом к невесте. Родители невесты благословляли молодых перед отъездом к венцу. Этот обряд проводился следующим образом. На стол ставили хлеб и соль, клали икону или крест (в католических семьях). Молодые и вся «дружина» читали молитву, затем родители невесты благословляли молодых и давали им целовать икону или крест. Главный сват обращался по очереди ко всем присутствующим с просьбой благословить молодых на «шчаслівым мейсцы сесьці»[20]. На это присутствующие отвечали: «Бог благаславіць».

Отъезд жениха и невесты к венцу. Если свадьба была «короткая», жених и невеста на венчание (в церковь или костел) ехали из одного дома, но в разных повозках. Если же свадьба была «длинная», то каждый ехал из своего дома и со своей «дружиной». Встречались они обычно у церкви или у костела. Впрочем иногда и при «длинной» свадьбе жених заезжал за невестой. В Миорском районе Витебской области БССР чаще встречался именно такой вариант свадьбы.

В первой повозке свадебного поезда ехали сват, сватья, жених с «подмолодым» (старшим дружкой) и своей сестрой. Во второй — невеста с братом или тем, кого она выбирает вместо брата, за ними шаферы, шаферки и гости. Свадебный поезд украшали лентами, к сбруе коня подвешивали колокольчики.

Из церкви молодые ехали уже вместе, в одной повозке. На пути их следования ставили «ворота», «заслоны», «шлагбоны», т. е. перегораживали дорогу. Сват выкупал «ворота», угощая вином, водкой, конфетами, иногда раздавал деньги.

Встреча молодых. При «короткой» свадьбе этот обряд совершался один раз в доме жениха; при «длинной» свадьбе — дважды: и у невесты и у жениха. В основных моментах этот обряд происходил у них одинаково. Молодые вместе со своими «дружинами» подходили к дому. Родители встречали их иконой, хлебом-солью и водкой. При входе в дом молодых обсыпали зерном, хмелем или овсом, желая им детей, богатства и счастья в семейной жизни. Затем молодые и гости садились за стол и начинался пир.

Снятие фаты и венка. Время проведения обряда не было строго определено. Фату и венок снимали и после «первого стола», и в полночь первого дня свадьбы, и на второй день ее, но чаще всего — в конце первого дня. Снимала их старшая шаферица, иногда сватья (Краславский район), свекровь или мать невесты. В Лудзенском районе фату и венок часто снимал жених. Обряд снятия венка (фата явление позднее)

---

[20] *Сахараў С. П.* Указ. раб., с. 102.

видимо, уже в начале XX в. существовал в весьма трансформированной форме.

Однако в нем все же сохранились некоторые элементы продуцирующей магии. Так, надевание фаты и венка на близкую подругу или сестру невесты должно было способствовать ее замужеству. Иногда невеста сама снимала фату и венок и бросала их подругам, считалось, что девушка, поймавшая «подарок» скоро выйдет замуж.

Утром второго дня свадьбы свекровь, мать или жених надевали на молодую женский головной убор (чаще платок).

Обряд укладывания молодых. Спать молодых провожала обычно крестная. Постель стелила сватья, свекровь или сама молодая. Утром молодых будили музыкой, шумом, иногда битьем горшков у двери помещения, где они спали.

Перевозка приданого в дом жениха. Приданое состояло из двух частей. В первую, называвшуюся «куфром», «кублом», «скрыней», реже «пыурой» входили полотно («кужаль»), постельное белье, одеяла, подушки, перина и одежда невесты. Во вторую — «пасаг» — сельскохозяйственный инвентарь и домашний скот (коровы, иногда две или три, лошади, овцы и т. д.). Для перевоза приданого выбирался специальный человек из родственников — «кубельник» (от слова «кубел» — плетенная из соломы или лозы большая круглая, высокая корзина, немного сужающаяся кверху, с двумя ушками, в которой хранили белье, полотно, одежду).

При «короткой» свадьбе приданое перевозили большей частью в то время, когда жених и невеста ехали к венцу, при «длинной» — когда молодая собиралась ехать в дом к молодому. Как в том, так и в другом случае приданое перевозилось до того, как невеста появится в доме жениха, иногда за несколько дней до свадьбы.

В этом обряде присутствовал ряд шуточных моментов: кубельник выкупал «кубел» («скрыню») у матери невесты или у детей, сидевших на нем; родители жениха в свою очередь выкупали приданое у «кубельника».

Скот, который входил в «пасаг», перегонял «пастух», выбираемый из числа гостей. Происходило это обычно через неделю после свадьбы.

Послесвадебные обряды. Спустя неделю, а иногда 3 дня после свадьбы, обычно в воскресенье, молодые ехали к родителям молодой, где собирались только ее родственники. В этот день окончательно улаживались все хозяйственные вопросы, связанные со свадьбой, после чего в дом молодого перегоняли скот. Название момента посещения родителей молодой отличается разнообразием: «перезывки», «хлебины», «отводины», «созывки».

Известно, что свадебные обряды представителей одного и того же народа, живущих не только в разных районах, но и даже в деревнях, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, часто различаются какими-то элементами. В то же время существует определенный «обрядовый минимум»[21], выполнение которого является обязательным, дающий представление о свадебном ритуале конкретного народа. Нами был выделен такой «обрядовый минимум» для традиционной белорусской свадьбы, который и служил основным критерием при оценке уровня знания респондентами этого ритуала. В него вошли: 1) сватовство (роль сватов, кто должен быть сватом, дни сватовства, поведение жениха и невесты во время сватовства); 2) свадьба («вяселля»), место проведения свадьбы, роль сватов и «дружины», время и содержание обрядов «выкупа невесты», «благословения», «одевания невесты», «наде-

---

[21] См.: *Чистов К. В.* Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора. Свадебный обряд.— В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974, с. 82.

Таблица 1

Знание белорусских традиционных свадебных обрядов (% к числу ответов)

Степень знания белорусских традиционных свадебных обрядов	Массивы информации		
	Лудзенский район	Краславский район	Контрольная группа БССР (Миорский район Витебской области)
Не знают	э	13	6
Слабо знают	21	38	24
Имеют ясное представление	55	42	49
Очень хорошо знают	15	7	21

ления», «снятия фаты и венка», «перевозки приданого»; 3) послесвадебные обряды (время поездки молодых к родителям невесты, название этого события).

Если информатор знал все обряды и мог подробно рассказать о них, то мы считали, что он (она) «знает свадебные обряды очень хорошо»; если информатор знал все обряды и мог кое-что рассказать о том, как они должны проводиться, то указывалось, что он (она) «имеет ясное представление о свадебных обрядах»; если информатор мог лишь назвать часть обрядов и не знал, как они проводятся, то такие знания оценивались еще ниже: «слабо знает». И наконец, встречались информаторы, которые совсем не знали традиционных белорусских свадебных обрядов (в этом случае мы считали, что он (она) «совсем не знает свадебных обрядов»).

Общая характеристика степени знания белорусской традиционной свадебной обрядности в трех изученных районах представлена в табл. 1.

Степень знания традиционного свадебного ритуала белорусами (как в Латгалии, так и в Миорском районе Витебской области БССР) может считаться в целом высокой.

Показатели по Латгалии близки к показателям по БССР (контрольная группа), хотя в Латгальском массиве в силу некоторой обособленности группы белорусов знание свадебных обрядов могло быть более выраженным, чем в Миорском районе. Сходные показатели групп Латгалии и Белоруссии скорее всего можно объяснить особенностями формирования их этнического самосознания (см. выше).

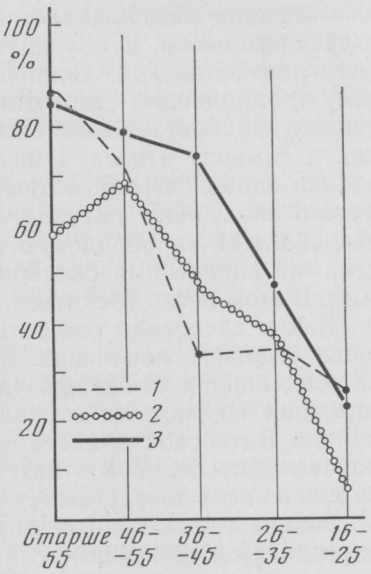

Рис. 1. Доля лиц, хорошо знающих свадебные обряды в различных возрастных группах (% к числу ответов): *1* — Лудзенский район Латгалии, *2* — Краславский район Латгалии, *3* — Миорский район Витебской области Белорусской ССР

Несомненный интерес представляет выяснение того, под влиянием каких внутриэтнических факторов совершаются изменения в сфере знания обряда. Ответить на этот вопрос помогает рассмотрение уровня знания его в различных социально-профессиональных группах (см. табл. 2).

Во всех исследуемых массивах выделяется группа «учащихся», в которой представление о белорусских традиционных свадебных обрядах

Таблица 2

Доля лиц хорошо знающих традиционные белорусские свадебные обряды в различных социально-профессиональных группах (% к числу ответов)

Социально-профессиональные группы	Массивы информации		
	Лудзенский район	Краславский район	Миорский район Витебской области БССР
Руководители и специалисты высшего и среднего звена	60	40	63
Служащие	36	33	78
Механизаторы	35	24	39
Работники квалифицированного ручного труда	61	35	78
Работники неквалифицированного ручного труда	57	62	69
Прочие	88	51	84

практически отсутствует. Основными хранителями знаний традиционной белорусской свадьбы являются работники квалифицированного и неквалифицированного физического труда, а также лица, не занятые в общественном производстве (пенсионеры, домохозяйки, инвалиды). В сельских условиях Латгалии в составе этих социально-профессиональных групп преобладают лица главным образом пожилого возраста с относительно низким уровнем образования.

Обратим внимание также на то, что наряду с названными социально-профессиональными группами хорошее знание традиционных свадебных обрядов обнаруживается у руководителей и специалистов высшего и среднего звена, т. е. у интеллигенции. И здесь напрашивается вывод: если лица с низкой квалификацией являются хранителями обрядов в силу традиционной стереотипности мышления и поведения, то интеллигенция приобретает соответствующие знания в силу интереса к обрядам как к символу этноса. Именно интеллигенция активно участвует в создании новых безрелигиозных обрядов, включающих элементы традиционного свадебного ритуала. Одним из факторов, который существенно воздействует на обрядовую жизнь латгальских белорусов, и, в частности, на знание ими свадебного ритуала, является возраст опрашиваемых. В этом легко убедиться, обратившись к данным рис. 1.

Как и следовало ожидать, лучше других знают свадебные обряды люди старшего поколения. Во всех исследованных районах наблюдается тенденция к снижению знания традиционного свадебного ритуала в младших возрастных группах. Любопытно, что белорусы Миорского района Витебской области по направленности общей тенденции не отличаются от белорусов латгальских районов. Однако у них этот показатель во всех возрастных группах выше, чем в Латгалии.

Знание традиционных форм свадебного обряда в значительной мере определяется степенью его бытования. В самом деле, среди лиц, имеющих «ясное представление» о традиционной белорусской свадьбе, 64% в Краславском и 62% в Лудзенском районе женились или выходили замуж с соблюдением основных обрядов этого ритуала. Из числа тех, кто знают традиционную свадьбу «очень хорошо», эти обряды выполняли соответственно 76 и 74%. Вместе с тем в группе информаторов, не знающих традиционных белорусских свадебных обрядов оказались люди (12% в Краславском и 5% в Лудзенском районе) на свадьбе которых соблюдались основные обряды. Этот факт, по-видимому, можно объяснить свойством человеческой памяти утрачивать полученную информацию.

Бытование традиционного свадебного ритуала — это, как известно, выполнение в жизни основных обрядов, составляющих его.

Таблица 3

Бытование различных типов свадьбы у белорусов Латгалии и Миорского района Витебской области БССР (% к числу ответов)

Массивы информации	Тип свадьбы				
	традиционный белорусский свадебный ритуал	современный белорусский свадебный ритуал	вечеринка с некоторыми элементами традиционных свадебных обрядов	обычная вечеринка	не дали ответа
Лудзенский район Латгалии	50	8	4	27	11
Краславский район Латгалии	45	10	8	23	14
Миорский район Витебской области БССР	54	10	6	20	10

Тип свадьбы, со слов информатора, определялся на основе того, соблюдались или нет в каждом случае традиционные этапы и основные обряды белорусского свадебного ритуала. Иначе говоря, как и при оценке знания свадебных обрядов, мы стремились к максимально возможной объективности при характеристике оценки типа свадьбы, справлявшейся респондентами.

В том случае, когда присутствовали все выделенные этапы обряда (сватовство, благословение, перевоз приданого, венчание, снятие фаты и венка, послесвадебные обряды — «хлебины», «перезывки»), свадебный ритуал оценивался как традиционный.

Под современным свадебным ритуалом подразумевается упрощенный традиционный ритуал, в котором в сокращенном виде присутствуют основные обряды за исключением венчания и благословения, часто отсутствуют также сватовство и перевоз приданого. Центральным моментом такого свадебного ритуала является торжественное бракосочетание.

Встретились мы и с такими формами свадьбы, как вечеринка, включающая лишь отдельные элементы традиционных обрядов (одаривание молодых, встречу молодых родителями, надевание венка, фаты и т. п.), и просто вечеринка — свадьба без соблюдения каких-либо обрядов.

По данным опроса была выявлена степень бытования различных «типов свадьбы» (см. табл. 3).

Из таблицы видно, что белорусы Латгалии и БССР (контрольная группа) при вступлении в брак зачастую соблюдали основные свадебные обряды в их традиционной или современной форме. При этом предпочтение отдавалось традиционной белорусской свадьбе.

Естественно было ожидать, что тесное общение в семье представителей разных национальностей должно определенным образом сказаться на обрядовом поведении. Материалы, собранные в Латгалии, где белорусы издавна живут в тесных контактах с представителями различных национальностей и часть их образует национально-смешанные семьи (в Лудзенском районе — 25%, в Краславском — 23%, в Миорском районе Витебской области их только — 3%), показали, что в однонациональных семьях предпочтение отдавалось традиционным свадебным обрядам, в национально-смешанных, особенно в Лудзенском районе,— упрощенной форме свадьбы, которую мы называем «просто вечеринка».

Возрастная динамика обрядового поведения выражена вполне отчетливо (см. рис. 2). Во всех обследованных районах прослеживается тенденция к снижению числа традиционных свадеб у населения более молодых возрастов. Роль современного свадебного ритуала у молодежи заметно возрастает.

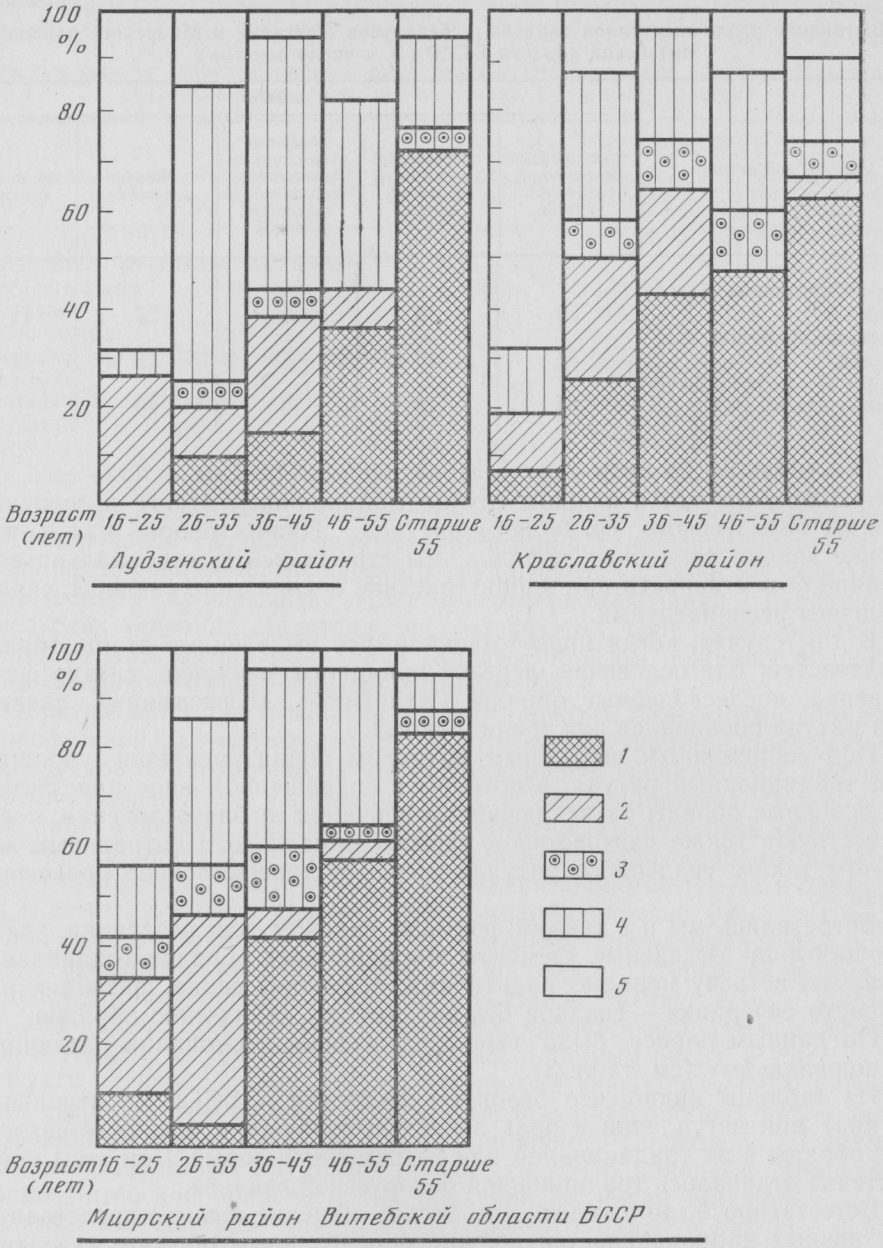

Рис. 2. Соблюдение различных типов свадеб в зависимости от возраста (% к числу опрошенных) *1* — традиционный свадебный ритуал, *2* — современный свадебный ритуал, *3* — вечеринка с некоторыми элементами традиционного свадебного ритуала, *4* — обычная вечеринка, *5* — не ответили

Остальные формы свадеб не подчиняются столь же ярко проступающей закономерности. Современный свадебный ритуал, например, в Краславском районе и БССР (контрольная группа), по всей вероятности, вошел в быт не очень давно и наибольший процент таких свадеб зафиксирован в возрастной группе 26—35-летних, а в Лудзенском районе — 36—45-летних. В первой возрастной группе предпочтение отдано «просто вечеринке». В самой молодой возрастной группе значимость современного свадебного ритуала несколько снижается. Любопытно, что у белорусов Лудзенского района почти во всех возрастных группах,

исключая самую молодую и самую «старую», преобладает не традиционная свадьба, а просто вечеринка». Стремление к упрощенным формам, видимо, является показателем отхода от традиции, утраты «этнических» установок.

Человек, являясь членом определенного этноса, в течение жизни испытывает на себе воздействие ряда факторов — социальных, экономических, политических и др. В ходе формирования личности могут изменяться и ее этнические установки, и отношение к традиционным обычаям и обрядам своего этноса, в том числе и к свадебным обрядам. Если в начале семейной жизни человек соблюдал традиционные обряды, не сомневаясь в правильности своего поведения, то с годами отношение к ним могло измениться, что может быть показателем глубоких сдвигов внутри этноса или его части. Чтобы выявить отношение респондентов к традиционной форме свадьбы, в вопросник был введен вопрос о проективной (желаемой) разновидности свадьбы: «Если бы Вам пришлось начать сначала, то, вступая в брак, какую свадьбу Вы хотели бы устроить?». Ответы на этот вопрос распределились следующим образом (см. табл. 4).

Таблица 4

Ориентация белорусского населения обследованных районов на свадебные ритуалы (% к числу ответов)

Тип проективной свадьбы	Массивы информации		
	Латгалия		БССР
	Лудзенский район	Краславский район	Миорский район Витебской области (контрольная группа)
Просто вечеринка	29	23	17
Вечеринка с некоторыми элементами традиционной свадьбы	4	7	6
Современный белорусский свадебный ритуал	23	21	32
Традиционный белорусский свадебный ритуал	44	40	45
Не дали ответа	0	9	0

Во всех исследованных нами районах бóльшая часть белорусского населения высказала свое положительное отношение к традиционным обрядам, т. е. предпочтение отдается традиционной форме свадьбы.

На территории Белоруссии (контрольная группа) стремление населения к развернутому типу свадеб в современной или традиционной форме выше, чем в Латгалии. По всей вероятности, это можно объяснить более четко выраженным этническим самосознанием, большей приверженностью к национальным формам быта. Если, однако, сравнить реальное поведение с вербальным (см. табл. 3, 4), то обнаруживается, что желание отмечать свадьбу по современному белорусскому ритуалу осталось в значительной степени не реализовано. Как в Латгалии, так и в БССР все шире внедряется современный свадебный ритуал, который в целом удачно заменяет традиционный и хорошо воспринимается населением.

Так, в возрастной группе 16—25-летних лица, ориентированные на соблюдение современных свадебных обрядов, составляют в Лудзенском районе 53%, в Краславском 41% и в Миорском районе Витебской области 50%. Положительное отношение к традиционной форме свадьбы в этой же возрастной группе высказали в Лудзенском районе 5%, в Краславском 9% и в контрольной группе 11%. В возрастной группе 46—55-летних положительное отношение к современным обрядам отмечено у 29% белорусского населения в Лудзенском районе, 13% — в Краслав-

ском районе и 32% — в БССР (Миорском районе Витебской области). На традиционную форму свадебного ритуала в этой же возрастной группе ориентируются в Лудзенском районе 50%, в Краславском 39% и в Миорском 44%.

Часть белорусского населения Латгалии и БССР высказывается за такую форму свадьбы, как «просто вечеринка». При этом во всех возрастных группах процент лиц, высказавшихся за эту форму свадьбы, приблизительно один и тот же — 20—25%.

Можно предположить, что в обозримой перспективе роль традиционного свадебного ритуала будет сокращаться. Вместе с тем современный (модернизированный, сокращенный и переосмысленный) ритуал имеет перспективу сохранения и развития.

Исследование традиционных свадебных обрядов дало нам возможность выявить тенденции их развития.

Обращает внимание тяга белорусского населения Латгалии к упрощенным формам свадебного ритуала, называемого «просто вечеринка». По всей вероятности, это говорит об отходе от своих «национальных» установок и об ослаблении этнического самосознания.